

Лариса А. Калмуллина (Уфа)

Прагматические аспекты категории эмотивности

✂ Ключные речи:

*эмотивность, прагматика,
речевые акты,
экспрессивность, оценка.*

У раду се преко синтагми „илокуцијски
циљ“ и „перлокуциони задатак“
спроводи детаљна диференцијација
емотивних говорних чинова и говорних
чинова емотивне оцене. Разматра се
круг питања у вези са одређивањем
природе експрессивности и оцене које
претпостављају реализацију прагматичке
функције утицаја на рецепијента.

Последние десятилетия развития лингвистической науки отмечены все возрастающим интересом к прагматическим аспектам языка. Несмотря на то что сегодня термин «прагматика» является едва ли не самым популярным в лингвистике, на самом деле эта область исследования не имеет четких границ (Ажеж 2003: 210; Языковая деятельность 1983: 6). В настоящее время существует множество подходов к определению статуса прагматики как научной дисциплины,

который, в свою очередь, обусловливает границы предмета ее исследования¹. Так, при широком понимании прагматика вбирает в себя практически всю проблематику экстралингвистики и смежных областей знания (когнитивной теории, социолингвистики и т.д.): например, Д. Ферсхюерен трактует прагматику как науку, изучающую когнитивные, социальные и культурные аспекты языка (Verschueren 1995). Сторонники узкого подхода (Д. Шпербер, Д. Уилсон,

1) В данной статье мы не ставим своей целью детальное рассмотрение существующих подходов к дефиниции прагматики, в том числе и в плане ее соотношения с семантикой, поскольку этим вопросам уделяется достаточное внимание в ряде работ.

А. Кашер и др.) отрицают существование отдельного прагматического модуля и рассматривают его как часть общих когнитивных принципов, вовлеченных в интерпретацию высказываний (Заботкина 1999: 3). Не менее разнообразными представляются и существующие дефиниции прагматики. Так, классическим можно считать определение прагматики как отношения между знаком и теми, кто им пользуется: ««Прагматика» – дисциплина, изучающая отношения знаков к их интерпретаторам [...] Поскольку интерпретаторами большинства (а может быть, и всех) знаков являются живые организмы, достаточной характеристикой прагматики было бы указание на то, что она имеет дело с биотическими аспектами семиозиса, иначе говоря, со всеми психологическими, биологическими и социологическими явлениями, которые наблюдаются при функционировании знаков» (Моррис 2001: 71); «Прагматика – это наука, изучающая язык в его отношении к тем, кто его использует» (Столнейкер 1985: 419). В других определениях на первый план выходит коммуникативно-функциональная природа прагматики, в соответствии с чем она трактуется как «наука об употреблении языка», «наука о языке в контексте» и т.п. (Языковая деятельность 1983: 7). Отдельные дефиниции прагматики базируются на понятии «интерпретация», которое связано с так называемым прагматическим значением высказывания: «Прагматика изучает значение в его отношении к речевой ситуации (т.е. к говорящему и слушающему, их целям, фоновым знаниям и под.) и к ее контексту. Объектом прагматики являются прагматические значения – разного рода пропозициональные установки говорящих – исходные допущения, намерения, мнения, эмоции и проч.»; при этом

подчеркивается, что «языковые значения прагматичны в принципе: с человеком, с речевой ситуацией связаны в языке не какие-нибудь особо выделенные экспрессивные элементы, а вообще значение подавляющего большинства слов и грамматических единиц» (Падучева 1996: 221–222). В этом случае ставится вопрос о разграничении семантической и прагматической информации, который решается исследователями по-разному и во многом остается дискуссионным. Один из возможных ответов на данный вопрос состоит в том, что проводится граница между логическим содержанием высказывания и той информацией, которая может быть извлечена из него слушающим, другими словами, между арбитрарным (конвенциональным) и естественным (неконвенциональным). При этом язык принимается за конвенциональную знаковую систему, а изучение неконвенциональных «импликатур», описывающих способность людей, которые пользуются языком, относится к прагматике (Булыгина 1981: 340–341). Наконец, в ряде определений в центре внимания оказывается исследование эффекта языковой коммуникации в плане взаимного воздействия говорящего и слушающего в процессе общения. Для целей нашей работы наиболее значимыми представляются две последние трактовки прагматики, поскольку именно они позволяют отнести к сфере ее компетенции эмоциональный потенциал языковых ресурсов, который предполагает, с одной стороны, выражение эмоций субъекта речи, а с другой – эмоциональное воздействие на адресата.

Проблема прагматического компонента языковых единиц, эксплицирующих чувства говорящего, затрагивалась (правда, без особого ее акцентирования)

в работах представителей одного из основных направлений прагматики – философии обыденного языка: Дж. Остина, Х. П. Грайса, Дж. Сёрла и др. В рамках данной традиции, восходящей, с одной стороны, к концепции немецкого философа и математика Г. Фреге, а с другой – к работам Б. Рассела и позднего Л. Витгенштейна, центральным понятием становится употребление языковых выражений. В работах названных исследователей активно разрабатывается теория речевых актов (далее – РА), основу которой составляет «подход к речевому акту как способу достижения человеком определенной цели и рассмотрение под этим углом зрения используемых им языковых средств» (Кобозева 1986: 13). Составными компонентами РА, по Дж. Остину, являются локутивный акт (акт произнесения чего-либо), иллокутивный акт (акт, который мы осуществляем при произнесении чего-либо) и перлокутивный акт (осуществление определенных воздействий, преднамеренных или непреднамеренных, посредством данного высказывания) (Остин 1986). Интересующий нас феномен эмотивного потенциала языковых единиц следует рассматривать в приложении к двум последним элементам РА: манифестация внутренних переживаний говорящего имеет отношение к иллокутивной функции (цели) высказывания, а эмоциональное воздействие на реципиента – к его перлокутивному эффекту. Эмоциональное самовыражение субъекта речи, несомненно, может являться его главной коммуникативной установкой, однако высказывания, направленные на достижение указанной иллокутивной цели, не дифференцировались как особый тип РА основоположниками данной теории. Так, Дж. Остин в своей классификации РА выделяет бехабитивы,

которые включают в себя «отношение к чьему-либо поведению в прошлом или в будущем и эксплицитное выражение этого отношения» (Остин 1986: 126), но в то же время подчеркивает, что бехабитивы «отличаются и от описания наших чувств, и от их выражения» (там же). В альтернативных классификациях, предложенных другими авторами, иллокутивные акты непосредственно сопоставляются с психологическими состояниями: к примеру, Дж. Сёрл выделяет в качестве отдельного типа РА экспрессивы, иллокутивная цель которых заключается в том, чтобы «выразить психологическое состояние, задаваемое условием искренности относительно положения вещей, определенного в рамках пропозиционального содержания» (Сёрл 1986: 183). В дальнейшем термин «экспрессивы» стал употребляться для нерасчлененного обозначения речевых актов выражения эмоционального состояния (отношения) говорящего и/или эмоционального воздействия на реципиента. На наш взгляд, недостаточно четкое разграничение двух тесно связанных компонентов РА, соотносящихся с чувственной сферой – эмоциональной автопрезентации говорящего и эмоционального воздействия на слушателя, – нуждается в определенном уточнении. Прежде всего отметим, что исследователи по-разному интерпретируют характер указанной взаимосвязи, вследствие чего наблюдается либо отождествление, либо дифференциация собственно эмотивных РА и эмотивно-оценочных РА. Так, А. Вежбицкая рассматривает в качестве эмотивных РА группу «восклицание», при этом иллокутивной целью данных РА признает «самовыражение» говорящего, хотя и подчеркивает, что присутствие слушающего или наблюдателя для говорящего желательно (Wierzbicka 1987:

250). Однако эмотивный компонент значения – «Я чувствую что-либо» – автор вводит и при толковании глаголов других групп, например «спорить», «обвинять», «хвалить» и т.д., которые связаны с намерением оказать некоторое воздействие на адресата или других людей. Как полагает Л. А. Пиотровская, иллюкутивную функцию данных РА можно представить как выражение эмоциональной или рациональной оценки (Пиотровская 1994: 20), следовательно, определить сами РА как оценочные. Противоположную позицию занимает Е. М. Вольф, которая объединяет эмотивные РА и эмотивно-оценочные РА в рамках РА оценки, полагая, что в первых оценка «замыкается в сфере говорящего» (например, *Горе мне!; Какая радость!*), а вторые «ориентированы на собеседника» (таковы, в частности, оскорбления, похвалы и т.д.) (Вольф 1985: 175–176). Иллюкутивная цель выделенных РА оценки, по мнению Е. М. Вольф, заключается в том, чтобы «выразить эмоциональное состояние говорящего и/или произвести эмоциональное воздействие на слушателя, основанное на одобрении или порицании в широком смысле слова: *Как интересно!; Негодяй, что ты делаешь!* и т.п.» (там же: 167). Вместе с тем автор считает, что критерием для отнесения тех или иных высказываний к РА оценки является перлокутивная цель, которая связана с намерением говорящего вызвать эмоциональный эффект. При этом эмотивные РА и эмотивно-оценочные РА различаются с точки зрения их эмоцио-

генного потенциала: если первые опосредованно воздействуют на эмоциональную сферу адресата и лишь в некоторых случаях могут преследовать цель каузации определенных переживаний, то вторые характеризуются осознанным намерением изменить эмоциональное состояние партнера (там же: 167, 175–176). Вслед за Л. А. Пиотровской можно утверждать, что в данном случае необходимо четкое разграничение понятий «иллюкутивная цель» и «перлокутивная задача» (которые Е. М. Вольф в равной мере использует для характеристики намерения говорящего вызвать эмоциональную реакцию у адресата), а именно квалифицировать в качестве первой выражение эмоционального состояния говорящего, а в качестве второй – эмоциональное воздействие на слушающего (Пиотровская 1994: 23). Именно по отношению к РА, иллюкутивной целью которых является эмоциональное самовыражение субъекта, следует употреблять термин «эмотивные речевые акты» (там же: 25). Проблема же перлокуции как компонента РА, в том числе эмотивных РА, требует более подробного рассмотрения.

Перлокутивный акт представляет собой результат речевого воздействия², и как таковой, но под другим названием («практические события, следовавшие за актом речи») и с иных теоретико-методологических позиций, он был детально проанализирован Л. Блумфилдом (Блумфилд 2002: 35–57). Перлокуции в отличие от иллюкуций обладают весьма важным

- 2) Сама возможность такого воздействия объясняется неоднородностью плана содержания языковой единицы: поскольку когнитивные структуры принципиально нелинейны, то переход к их линейному вербальному представлению всегда сопровождается тем, что некоторые их части (пресуппозиции, установки, иллюкутивные компоненты и т.д.) могут присутствовать в имплицитном виде (Иссерс 1999: 19).

свойством: они не подчиняются конвенциям языка, так как язык не предписывает адресату определенной реакции в ответ на речевое воздействие говорящего (Богданов 1990: 40; Стросон 2004: 37). Характер этой реакции и ее содержание, по словам Л. Блумфилда, «зависят от всей истории жизни говорящего и слушающего» (Блумфилд 2002: 37), т.е. совокупности психологических, культурных, социальных и иных факторов, влияющих на процесс речевого общения. Кроме того, соответствующие реакции (в частности, эмоциональные) со стороны реципиента могут быть достигнуты с помощью не только речевых, но и невербальных средств. Именно поэтому лингвисты полагают, что «перлокутивный акт по самой своей сути не находится в необходимой связи с планом содержания предложения. Тот или иной перлокутивный эффект может быть достигнут употреблением самых разных по своему значению предложений, и наоборот, употребление одного и того же предложения может вызвать очень разные перлокутивные эффекты в зависимости от обстоятельств, в которых оно употребляется, в частности от характера адресата, его знаний, системы ценностей и т.д.» (Кобозева 2000: 260). Так как то или иное отношение говорящего к содержанию высказывания признается лингвистически релевантным постольку, поскольку оно выражается в речи (тексте), то многие авторы утверждают, что анализ перлокутивных актов не входит в область компетенции лингвистики: так, по мнению Дж. Лича, «перлокутивные эффекты не образуют части прагматического исследования, поскольку прагматическая сила имеет отношение к целям, а не к результатам» (цит. по: Богданов 1990: 40). Однако высказывается и альтернативное мнение о том, что, хотя са-

ми перлокутивные эффекты являются объектом изучения нелингвистических дисциплин (психологии, социологии и т.д.), языковые средства, способствующие воздействию на адресата, входят в сферу интересов лингвистической прагматики: «Прагматика может и должна указать те средства, которые позволяют повысить вероятность того, что планируемый говорящим перлокутивный эффект действительно осуществится» (Богданов 1990: 41). По нашему мнению, более обоснованной представляется позиция тех исследователей, которые предлагают разграничивать два аспекта воздействующей функции высказываний: перлокутивную задачу и перлокутивный эффект, т.е. намерение говорящего каузировать определенное поведение (речевое и/или неречевое) и реальное воздействие, которое тот или иной речевой акт оказывает на него (Питровская 1994: 26). Очевидно, что изучение языковых средств манифестации перлокутивной задачи (потенциала) является весьма перспективной областью лингвистических исследований, тогда как анализ перлокутивного эффекта (в частности, эмоционального воздействия) требует не только учета ситуации «диалогового режима», но и выхода за пределы вербального аспекта коммуникации.

Каузация эмоционального отклика у адресата, выделяемая в качестве одного из важнейших типов речевого воздействия, традиционно связывается с областью межличностных отношений, однако сам характер этой эмоциональной реакции определяется исследователями по-разному. Так, одни авторы предпочитают говорить об «эмоциональном заражении», суть которого заключается в том, чтобы адресат «репродуцировал» эмоциональное состояние говорящего (Телия 1991: 61); другие рассматривают в

качестве результата эмоционального воздействия формирование у реципиента общего эмоционального настроения (Почепцов 1987); и т.д. Кроме того, принимая во внимание взаимосвязь эмоциональных и интеллектуальных процессов когниции, можно утверждать, что большинство речевых действий предполагает комплекс перлокутивных реакций, включающих, помимо названных, изменение когнитивных значений и коррекцию категориальной структуры, существующей в сознании реципиента (Иссерс 1999: 23). Весьма спорным представляется также вопрос об обязательности возникновения эмоциональной реакции у адресата речи. Некоторые авторы, рассматривая специфику эмоционального воздействия экспрессивных языковых единиц, подчеркивают его облигаторный характер: «Не-нейтральность... не может не вызвать оценочно-эмоциональный отклик у реципиента, поскольку любой способ остротности речи дает повод для эмоционального реагирования и осознания этой реакции в форме некоторого чувства-отношения» (Человеческий фактор в языке 1991: 6). В то же время другие лингвисты полагают, что уместнее говорить об эмоциогенном потенциале высказывания / текста, поскольку «даже насыщенный эмотивными средствами текст может вызвать противоположные планируемые эмоции или же оставить реципиента равнодушным» (Маслова 1991: 185). На наш взгляд, вторая точка зрения является более приемлемой, поскольку, как отмечалось выше, эмоциональное воздействие зависит не только от «Я» говорящего и адресата, но и от многих других прагматических факторов (в первую очередь, от контекста ситуации), следовательно, носит вероятностный характер.

Для целей нашего исследования особый интерес представляет вопрос о том, причислять ли к РА эмоционального воздействия собственно эмотивные РА, иллокутивной целью которых является выражение эмоционального состояния/отношения говорящего (в данном случае мы имеем в виду высказывания, как содержащие предикаты эмоций типа *радоваться, бояться, сердиться, любить, весело, грустно, страшно* и т.п., так и не содержащие их). Краткий обзор лингвистических работ показывает, что существует довольно большой разброс мнений по данному вопросу. Так, одни авторы полагают, что эмоциогенный эффект входит в круг возможных намерений субъекта речи, выражающего свое эмоциональное состояние/отношение: «Цели высказывания могут включать каузацию осуществления слушающим переживания им определенных эмоциональных реакций, внушение определенного чувства реципиенту» (Телия 1991: 57). Некоторые исследователи высказываются более категорично, подчеркивая, что два вида интенций: выражение эмоций и эмоциональное воздействие на реципиента – во многих случаях не существуют отдельно: «[...] Выражаемая говорящим эмоциональная оценка (а через нее и его эмоциональное отношение/состояние) направлена [...] на эмоциональное воздействие на адресата, то есть должна каузировать определенную эмоциональную реакцию со стороны собеседника (эмоциональное заражение)» (Шаховский, Жура 2002: 48). Согласно второй точке зрения, языковое выражение говорящим собственных эмоциональных переживаний не предполагает в качестве обязательного условия воздействия на адресата: «Изливая душу собеседнику, вы направляете свою активность не на него, а на себя, вы-

ходя из состояния дискомфорта, в этом случае субъект и объект воздействия совпадает в одном человеке, а собеседник нужен в качестве условия общения» (Тарасов 1979: 70). По нашему мнению, решение данной проблемы невозможно без учета следующих моментов:

1. Необходимо иметь в виду, что истинные цели речевого общения не всегда достаточно ясно и в полной мере осознаются его субъектом. Это утверждение в наибольшей степени справедливо по отношению к речевым актам выражения эмоций, поскольку возникновение и протекание последних во многом определяется сферой бессознательного. Именно поэтому эмотивные высказывания демонстрируют минимальную степень контроля целей речевой деятельности (Труфанова 2000: 268), которая обуславливает относительную спонтанность вербального выражения чувств и уменьшает возможность осознанного эмоционального воздействия на адресата.

2. Воздействующий потенциал эмотивных высказываний во многом зависит от формы языкового представления эмоционального состояния/отношения. Многие лингвисты полагают, что естественный язык отражает эмоциональную жизнь человека весьма приблизительно. Объясняют это разными причинами: спонтанностью вербального выражения эмоций (Шаховский 1987: 156–157); трудностями однозначного обозначения эмоций, которые, как правило, не проявляются изолированно, а обнаруживают тенденцию к «стягиванию» сходных по качеству переживаний вокруг нескольких более общих (Жельвис 2001: 51); и т.д. В связи с этим возникает потребность увеличения эмоциогенного потенциала высказывания за счет употребления определенных языковых средств, в частности

таких предикатов эмоций, как *любить*, *восхищаться*, *неприятно* и т.д., которые в высказываниях от первого лица приобретают перформативный характер, например: *Я люблю тебя!* или *Мне это неприятно* и т.п. (Гак 1996: 21). В этом случае «сообщение говорящего о своих чувствах обязывает слушающего не просто принять к сведению соответствующую информацию, а к ответным действиям, влияет на его социальное самочувствие и ценностные ориентации в плане исполнения им своих социальных и межличностных ролей» (Труфанова 2000: 279–280). В отличие от так называемых эксплицитных (канонических) перформативов типа *обещать*, *предупреждать*, *просить* и т.п., являющихся предикатами речи (Остин 2004: 26; Стросон 2004: 37), указанные языковые единицы можно назвать имплицитными (косвенными), или смешанными (наполовину описательными) перформативами (Остин 1986: 76). Однако следует подчеркнуть, что трактовка отдельных эмотивных предикатов как перформативных глаголов не является общепринятой. Так, если следовать логике рассуждений Э. Бенвениста, то к полноценным перформативным высказываниям, характеризующимся свойством аутореферентности, нельзя отнести те, которые содержат эмотивные лексемы типа *уважать*, *нравиться*, *стыдно* и т.д., поскольку они, во-первых, передают не диктум, но факт, а во-вторых, в своем реальном употреблении не выполняют перформативной функции (Бенвенист 2002: 306).

3. Эмоциогенный потенциал эмотивных ра во многом определяется такой характеристикой последних, как интенциональность/неинтенциональность, которая, в свою очередь, очень тесно связана с репрезентацией оценочной

семантики. Так, эмотивные высказывания, в которых выражается негативная эмоциональная оценка собеседника (т.е. направленные на адресата), могут иметь в качестве одной из целей каузацию изменения его поведения (Wierzbicka 1987: 140–143). Вместе с тем выделяется и такой тип эмотивных РА, субъект которых «не ожидает какой-либо ответной реакции со стороны собеседника, поскольку значимым для него является лишь «самовыражение», хотя сам акт произнесения эмотивного высказывания (локутивный акт) осуществляется в ситуации наличия собеседника», например: *Как мне надоела эта реклама!* (Пиотровская 1994: 30). Следовательно, нельзя согласиться с мнением И. В. Труфановой о том, что «эмотивные речевые акты [...] становятся речевыми актами эмоционального воздействия при их произнесении в ситуации общения с реальным слушающим» (Труфанова 2000: 269), так как необходимым условием эмоциогенного эффекта данных высказываний является их адресованность (направленность).

Несмотря на недостаточную разработанность теоретических основ проблемы эмоционального воздействия, в последние годы появилось достаточно много работ, авторы которых анализируют специфику соответствующих РА. Так, И. В. Труфанова с учетом работ предшествовавших исследователей, а также собственных наблюдений дифференцирует семь групп речевых актов эмоционального воздействия, направленных на то, чтобы улучшить/ухудшить эмоциональное состояние адресата (утешение, оскорбление, ирония и т.д.), применить социальные санкции к нему (обвинение, одобрение и др.), урегулировать эмоциональные межличностные отношения (ссора, упрек, укор и т.п.), «заразить»

слушателя переживаемой эмоцией (возмущение, недовольство, восхищение и пр.) и т.п. (Труфанова 2000: 266). Автор подробно анализирует диапазон тех языковых (речевых) средств и приемов, благодаря использованию которых вероятность эмоционального воздействия на реципиента увеличивается: это, в частности, стилистические/риторические фигуры (хиазм, градация, силлепс, асиндетон, гипербола, литота, оксюморон и др.), перформативы, идиоматические клише (в том числе формулы речевого этикета), инвективы, вульгаризмы, сленг и т.д. Ю. В. Щербинина, рассматривая феномен вербальной агрессии, выделяет такие ее виды, как оскорбление, враждебное замечание, угроза, грубое требование, грубый отказ и т.д. (Щербинина 2008).

Проблема прагматического компонента эмотивных РА тесно связана также с определением природы языковых категорий экспрессивности и оценки. Несмотря на длительную историю изучения экспрессивности в рамках различных лингвистических дисциплин (семасиологии, функциональной стилистики, лингвопрагматики и т.д.), в настоящее время в данной области исследования довольно много нерешенных вопросов. Одна из самых сложных проблем заключается в адекватном определении онтологической сущности экспрессивности, в частности того, с каким из аспектов языковой единицы: формой, значением или функцией – связан данный феномен. От ответа на этот вопрос, в свою очередь, зависит установление категориального статуса экспрессивности: является ли она семантической, прагматической или какой-либо иной категорией. В современной лингвистике представлен весь спектр указанных трактовок экспрессивности, которые целесообразно кратко осветить. Прежде

всего, обращает на себя внимание различие в определении экспрессивности как лексической модальности и как коммуникативной (функциональной) категории. Первый подход к экспрессивности, при котором она рассматривается как коннотативная составляющая, является наиболее традиционным в отечественной лингвистике. В данном случае под экспрессивностью понимается «суммарный эффект», итог взаимодействия ряда семантических компонентов слова или фразеологизма, обеспечивающий выразительность языковой единицы (Сандомирская 1991: 115; Телия 1996: 122). В целом разделяя данную трактовку экспрессивности, лингвисты, тем не менее, по-разному определяют состав указанных компонентов, включая в них либо только денотативные или коннотативные семы, либо и те и другие. Так, многие лингвисты полагают, что в создании экспрессивного эффекта участвуют такие денотативные компоненты, которые отражают количественно-качественные (в том числе параметрические) признаки предметов и явлений: величину, интенсивность/экстенсивность, силу, накопительность, повторяемость и др. (Лукьянова 1991: 157; Скворецкая 1984: 81–82). Перечисленные признаки, условно объединяемые под термином «интенсивность», составляют, по мнению сторонников данной концепции, сферу «объективной экспрессии», т.е. характеризуют сам референт. Тезис об участии компонента интенсивности в создании экспрессивного эффекта представляется довольно обоснованным, однако отождествление интенсивности и экспрессивности, предлагаемое некоторыми авторами, на наш взгляд, является не совсем правомерным. Скорее, следует согласиться с мнением тех лингвистов, которые считают, что между интенсив-

ностью и экспрессивностью существуют не отношения тождества или инклюзии, а причинно-следственные отношения типа «наличие семы интенсивности вызывает экспрессивный эффект». Кроме того, следует учитывать, что интенсивность как ономаσιологическая категория отражает объективные характеристики предмета, тогда как экспрессивность не имеет своего референта во внеязыковой действительности и выполняет функцию не сообщения, а усилительного воздействия на адресата (Шейгал 1984: 61). В связи с этим представляется более логичным определение лексической экспрессивности как свойства слова увеличивать воздействующую силу высказывания за счет наличия в его семантике как денотативных, так коннотативных компонентов, предстающих в той или иной комбинации: оценочного, эмоционального, интенсивно-экстенсивного, образного и т.д. (Загоровская, Фомина 1984: 32; Скворецкая 1984: 81). При этом важно иметь в виду, что выделенные компоненты, интегральным результатом реализации которых и является экспрессивность, как бы пересекаются и налагаются друг на друга, но не образуют при этом иерархическую систему и не сводятся друг к другу (Маслова 1991: 186).

При понимании экспрессивности как функциональной категории основной акцент делается на комплексном прагматико-стилистическом характере данного явления. При этом главным критерием выделения экспрессивных единиц разных уровней признается выполнение ими функции выразительности (или экспрессивной функции, в терминологии Н. А. Лукьяновой, В. А. Масловой и других авторов) и взаимосвязанной с ней прагматической функции воздействия на адресата речи. Функциональная экс-

прессивность возникает в результате отбора и употребления языковых единиц в процессе коммуникации и предстает как «не-нейтральность речи, остранение, деавтоматизация, придающие речи необычность, а тем самым выразительность» (Человеческий фактор в языке 1991: 6–7). При этом предполагается, что реализация выразительной и прагматической функций осуществляется благодаря выделенности языковой единицы в ряду других (нейтральных), которая способствует усилению впечатления, производимого на реципиента. Несмотря на то что основу речевой экспрессивности составляют лексические экспрессивы, к ее манифестантам можно причислить и единицы других уровней языка. В последнем случае экспрессивный эффект может создаваться, в частности, за счет нарушения разного рода стереотипов – не только языковых, но и мыслительных, поведенческих, социальных и т.п., которые воплощают «эффект обманутого ожидания», по Р.О. Якобсону. Не случайно Ш. Балли писал о том, что экспрессивность связана с определенным языковым искажением действительности: «Все [...] аффективные формы языка [...] показывают нам, что человек, который, во что бы то ни стало, стремится выразить свою мысль или навязать ее другому, может достичь желаемого лишь искажая действительность и отступая от истины [...] Чтобы стать выразительной, речь должна без конца деформировать идеи, преувеличивая или преуменьшая, переворачивая их, переводить в другую тональность» (Балли 2003: 31). Несомненно, что средства, способствующие экспрессивизации речи, могут носить как содержательный, так и формальный характер: это, к примеру, перераспределение семного набора и актуализация потенциальных

сем, образование окказионализмов, нарушения норм сочетаемости, стилистические транспозиции, употребление особых синтаксических конструкций (например, «ломаный» синтаксис) и стилистических фигур, звуковые ассоциации, рифма, интонация и т.д. (Загоровская, Фомина 1984: 31; Шейгал 1984: 60). Особо следует подчеркнуть зависимость экспрессивности не только от собственно языковых факторов, т.е. богатства экспрессивного лексикона того или иного языка и наличия разнообразных фонетико-интонационных и грамматических средств создания выразительности, но и экстралингвистических причин. В числе последних можно назвать факторы, связанные с производством и восприятием речи: намерение адресанта, с одной стороны, и наложение объективного значения языковых единиц и личностных смыслов – с другой (Маслова 1991: 196–197). Именно названные обстоятельства определяют то, что в конкретном высказывании/тексте (особенно художественном) любые лексические, грамматические и иные средства, являющиеся нейтральными в системе языка, в зависимости от замысла автора или особенностей восприятия и оценки их реципиентом могут претерпевать эмоциональные, оценочные, образные трансформации и тем самым становиться экспрессивными (там же: 196). Более того, в некоторых случаях даже факт отсутствия каких-либо языковых единиц в высказывании может способствовать возникновению экспрессивности (ср., например, безглагольные конструкции). Отсюда вытекает принципиальная сложность исчерпывающей регистрации и описания всех экспрессивных ресурсов того или иного языка. Если же иметь в виду еще и целевую заданность экспрессивных средств (воздействие на реципи-

ента речи, или перлокутивный эффект), то необходимо признать, что их всесторонний анализ требует выхода за рамки традиционной лингвистики.

Рассматривая соотношение языковых категорий эмотивности и экспрессивности, исследователи чаще всего акцентируют их причинно-следственную взаимосвязь, причем предполагается, что наличие эмотивного содержания является необходимым и достаточным условием возникновения экспрессивного эффекта, тогда как другие коннотативные составляющие (оценочность, образность и т.д.) не только выступают как дополнительные по отношению к эмотивному компоненту, но и носят вероятностный характер в зависимости от комбинации с ним: «Минимальным набором коннотативных компонентов, обеспечивающих прагматическую функцию слова, является соединение каждой из указанных экспрессивных сем с компонентом эмоциональности. Поэтому экспрессивную «окраску» слова нередко называют «эмотивно-экспрессивной» (Скворецкая 1984: 81; Ягубова 1996: 31 и др.). Примат эмотивности в создании экспрессивного эффекта объясняют тем, что именно эмотивное содержание, выражаемое разноуровневыми языковыми средствами, хотя и не обеспечивает автоматически возникновение данного эффекта, но увеличивает вероятность эмоционально-интеллектуального воздействия на адресата, т.е. способствует реализации прагматической функции экспрессивных единиц (Маслова 1991: 185–186). Вместе с тем следует отметить некоторую односторонность такой трактовки взаимосвязи эмотивности и экспрессивности, поскольку наличие эмотивной семантики является лишь одним (равновероятным, но не обязательным) условием воз-

никновения экспрессивного потенциала: последний может создаваться и за счет других компонентов – оценочности, образности, интенсивности; ср. выделение среди экспрессивных языковых единиц компаративов или обстоятельственных коннотативов, не содержащих в своем значении семы эмотивности (Васильев 1997). Поэтому можно утверждать, что наличие эмотивного содержания в коннотативной части значения почти всегда предполагает экспрессивность, но обратное необязательно. Более того, можно полагать, что взаимосвязь категорий эмотивности и экспрессивности является неоднонаправленной. В одних случаях эмоция является вторичной, поскольку для возникновения эмоциональной реакции реципиента необходим достаточно сильный раздражитель, то есть объект (слово) должен быть воспринят как экспрессивный. В других ситуациях вторична экспрессия, которая появляется как результат эмоциональных переживаний говорящего, поскольку наиболее эффективная вербализация последних достигается за счет выбора и употребления специфических выразительных средств. Именно поэтому мы согласны с точкой зрения тех лингвистов, которые считают, что языковые категории эмотивности и экспрессивности находятся в отношениях дополнительности друг к другу, выступают как данность (аргумент) и функция (Сандомирская 1991: 115; Скворецкая 1984: 81 и др.).

Не менее сложным представляется вопрос об участии оценочных компонентов в создании эмотивного прагматического потенциала языковых единиц. В отечественной лингвистике является традиционным понимание оценки как ценностного отношения, связанного с практическим взаимодействием челове-

ка и окружающего мира, т.е. с деятельностной стороной жизни (Арутюнова 1999: 174; Сергеева 2003: 48; Телия 1986: 54). Согласно другой точке зрения, оценка – это значимостное отношение, а именно мнение о важности, весомости, ценности, нужности, полезности, целесообразности, эстетичности, этичности и т.д. для человека того, что обозначается оценочными предикатами (Васильев 2004: 247). Данная трактовка также представляется вполне обоснованной, поскольку оценка лиц, событий, фактов обусловлена не только системой ценностных «измерений» (идеалами, понятием об общепринятой норме), но и некоторым «фоном», создаваемым психологической организацией человека, его требованиями к себе и другим, уровнем культуры и т.п. (Ягубова 1996: 30). Интересующее нас соотношение языковых категорий оценочности и эмотивности представляется не таким простым, как может показаться на первый взгляд. Сама возможность данной корреляции обусловлена антропоцентричностью оценки, которая заключается в том, что в центре оценки стоит человек – как субъект оценивающий и субъект оцениваемый: «[...] Между оценочным предикатом и объектом оценки всегда стоит человек – индивид, социальная группа, общество, нация, Человечество [...] Оценивается то, что нужно (физически и духовно) человеку и Человечеству. Оценка представляет человека как цель, на которую обращен мир» (Арутюнова 1999: 181). Именно антропоцентричность оценки обуславливает ее логико-психологическую природу, которая проявляется в возможном влиянии эмоциональных факторов на процесс и результат оценочной деятельности. Любая оценка предполагает сложное взаимодействие субъекта и объекта оценки, которое

характеризуется определенным отношением говорящего к объекту, причем во многих случаях независимо от реальных качеств последнего. Это обстоятельство позволяет многим исследователям либо отождествлять языковые категории оценочности и эмотивности, либо вести речь об их неразрывной взаимосвязи. К примеру, Е. М. Вольф предлагает называть субъективный аспект оценки термином «эмотивность», тем самым приравнивая последнюю к собственно оценочности (Вольф 1985: 37–39). В какой-то мере данная точка зрения близка к позиции представителей философского направления эмотивизма, которые полагали, что утверждения этики и эстетики типа *Каннибализм – это плохо* или *Моне как художник лучше, чем Мане* (оценочные по своей сути) могут употребляться только эмотивно, то есть для выражения чьих-либо чувств (см. Лайонз 2003: 161, 254). Традиция же «совмещения» рассматриваемых категорий и признания их обязательной корреляции восходит к Ш. Балли, который утверждал следующее: «Те из моих мыслей, что порождены потоком жизни, никогда не бывают преимущественно интеллектуальными: это движения мысли, сопровождаемые эмоциями [...]»; и далее: «Таким образом, соприкасаясь с реальной жизнью, объективные, на первый взгляд, идеи пропитываются аффективностью [...]» (Балли 2003: 28, 30). Современные исследователи также нередко предпочитают говорить о едином эмоционально-оценочном компоненте значения слова, а не о самостоятельных категориях оценочности и эмотивности. Так, В. И. Шаховский полагает, что эмотивное значение в языке никогда не выражается в чистом виде, поскольку оно обязательно сопровождается оценкой: «Коннотативные слова (эмотивы)

включают в себя общепринятую эмоциональную оценку тех или иных признаков предмета наименования» (Шаховский 1983: 24). В качестве аргумента в этих случаях приводится общепринятый в психологии постулат о неразрывной связи эмоционального и рационального. Однако следует иметь в виду, что, во-первых, *emotio* и *ratio* онтологически могут находиться в противоречии, во-вторых, результаты психической деятельности отражаются в языке не прямо, а опосредованно. В связи со сказанным Ш. Балли отмечал, например, что «система языка – это своего рода покрывало Пенелопы, которое безостановочно ткut и распускают, поскольку разум и чувства работают над ним одновременно и не всегда они действуют одинаково. Часто случается, что одно и то же слово, в зависимости от ситуации, имеет чисто интеллектуальный смысл и смысл аффективный, субъективный» (Балли 2003: 30).

На наш взгляд, признание тесного взаимодействия оценочности и эмотивности все же не дает права считать данную связь неразрывной, как это делается в работах некоторых исследователей. При рассмотрении соотношения данных категорий необходимо строго разграничивать область экспликации эмотивной и оценочной семантики, то есть сигнификативную или коннотативную их соотношенность. Это связано с тем, что в языке существуют, во-первых, слова с эмотивным значением (названия эмоций) и слова с эмотивным компонентом значения (коннотативы); во-вторых, слова с оценочным значением (например, общеоценочные и частнооценочные лексемы) и слова с оценочным компонентом значения (коннотативы). Согласно принятому в данной работе пониманию эмотивности как таксономической категории, осу-

ществляющей языковую категоризацию эмоций, она носит объективный характер, а потому сами эмотивные значения могут быть отнесены к дескриптивным. Оценка же – это отношение, в основе которого лежит мнение (суждение) о ценности (либо значимости) тех или иных аспектов предмета именования, чем и объясняется ее субъективная природа. При этом, как отмечалось выше, слова с эмотивным значением (то есть эмотивные предикаты) являются «квазиоценочными» и могут эксплицитно выражать оценочную семантику лишь при употреблении в определенных значениях: так, прилагательные типа *радостный*, *страшный*, *печальный* и т.п. являются оценочными в том случае, если они имеют каузативное значение, например: *радостное известие*, *унылый пейзаж* и др. (ср. Васильев 2004: 246). Если же оппозиция по признаку «хорошо – плохо» отсутствует, сам факт безразличия к оценке свидетельствует о существовании особой «точки отсчета», согласно которой определяется нейтральность языковой оценочности данных слов. Лексические и фразеологические единицы с эмотивным коннотативным компонентом могут либо сопровождаться, либо не сопровождаться оценкой, то есть оценочность и эмотивность как составляющие коннотации не связаны причинно-следственными отношениями, как полагают отдельные исследователи. Несомненно, что оценочная сема присутствует в содержательной структуре таких эмотивов-коннотативов, как *подхалимничать*, *иуда*, *разгильдяй*, *скряга* и под. В то же время в языковой системе выделяются коннотативы-обращения типа русс. *доченька*, *дорогуша*, *солнышко* (о человеке), англ. *darling*, *love*, *honey* и аналогичные им, эмотивность которых не сочетается с оценкой; более того, в их значении почти

полностью элиминирован предметно-логический компонент вследствие преобладания эмотивной семы (ср. Арнольд 2002: 154). Необходимо также отметить, что неоценочными по своей сути являются междометия и другие аффективы, в «чистом» виде выражающие эмоции. Аналогично этому мы не можем вести речь о наличии эмотивной семантики в коннотативах-эвалюативах, выражающих рациональную оценку, например: *дельный* (*дельная вещь*), *хоть куда* 'очень хороший', *пальчики оближешь* (об очень вкусной пище) и т.п. (Васильев 1997: 36)³. Поэтому следует согласиться с мнением тех лингвистов, которые считают, что выражение эмоций средствами лексики не всегда совмещается с оценкой, поскольку осмысленность отражаемых в языке эмоций не обязательно должна быть оценочно-рациональной. Вместе с тем, несмотря на отсутствие облигаторной взаимосвязи эмотивного и оценочного компонентов в рамках коннотации, можно вести речь о возможной их функциональной зависимости⁴. Аналогичной точки зрения придерживается и Е. М. Вольф: характеризуя высказывания *Ты великолепный мастер* и *Он великолепный мастер*, автор относит первое к экспрессивам, а второе к ассертивам, мотивируя свою позицию тем, что объектом эмоциональной оценки обычно является адресат или сам говорящий, а объектом рациональной оценки часто выступает третье лицо (Вольф 1985: 169). В наибольшей степени взаимообусловленность эмоций и оценок проявляется

ся в разговорном дискурсе, поскольку его непринужденность и спонтанность располагают к максимально яркому, частотному и разнообразному выражению субъективных состояний и отношений говорящего, которые обуславливают активное использование метафор, диминутивов, гипербола и т.д. (Харченко 2010: 177). К примеру, в разговорной речи может наблюдаться несоответствие между системно-закрепленной оценочной семантикой слова и тем эмоциональным содержанием, которое в него вкладывает говорящий. Так, ругательства могут использоваться для выражения одобрения, восхищения, а ласкательные слова – для передачи неприязни, пренебрежения и т.п. Однако следует учитывать, что использование оценочных слов с целью выражения эмоционального отношения к собеседнику подчиняется ограничениям не столько языкового, сколько этического характера: поскольку прямое одобрение или неодобрение – это не повествование, а мнение, то синтаксические конструкции типа «Ты (Вы) + оценочное слово» могут восприниматься либо как оскорбление, либо как лесть; ср.: *Ты – осел*; *Вы – просто клад* и под. (Телия 1986: 63).

Таким образом, эмотивность может рассматриваться не только как семантическая, но и как прагматическая категория, связанная, с одной стороны, с эмоциональным самовыражением говорящего, а с другой – с воздействием на реципиента. Поскольку подобное воздействие всегда носит вероятностный характер,

- 3) Лексемы, имеющие оценочное значение (выражающие оценку в понятийной форме), в некоторых случаях характеризуются наличием эмотивного компонента в сфере коннотации; ср.: *свинский*, *безголовый* и т.п. (Сергеева 2003: 33).
- 4) Не случайно Ш. Балли писал о том, что «невозможно обратиться к человеку, не вложив в это обращение минимум экспрессивности, хотя бы в самой манере произносить его имя» (Балли 2003: 33).

то целесообразно вести речь об эмоциональном потенциале языковых единиц, актуализация которого во многом зависит от формы языкового воплощения намерения (целей) говорящего. Большую роль при этом играет, во-первых, степень эксплицитности вербального выражения внутреннего состояния самого говорящего (ср., например, использова-

ние «косвенных» перформативов типа *любить, сожалеть* и т.д. в высказываниях от первого лица), во-вторых, интенциональный/неинтенциональный характер эмоционального воздействия на адресата (ср. употребление оценочных слов типа *умница, подлец* и под. в прямом обращении к собеседнику).

summary

Σ [LARISA A. KALMULINA]
The Pragmatic Aspects of the Category of Emotiveness

The article is devoted to the main notions of Pragmatics which bear a relation to language representation of emotional states and relationships. The author pays special attention to speech acts which implement emotive potential of language units. On the one part it deals with emotion expression of a subject of speech, and on the other part with emotional influence on a recipient. The author analyses differences between emotive and emotive-evaluating speech acts and their possible emotional effect with the help of such terms as “illocutive aim” and “perlocutive task”. Several problems connected with the categories of expressivity and evaluation are solved within the work. This categories presuppose realization of pragmatic function of influence on the speech addressee.

Литература:

- Ажеж 2003: **Ажеж, К.** Человек говорящий: вклад лингвистики в гуманитарные науки. – Москва: Едиториал УРСС. – 304 с. – Оригинал: *Hagège, Claude. L'homme de paroles.* – Paris: Fayard, 1985.
- Арнольд 2002⁴: **Арнольд, И. В.** Стилистика: Современный английский язык: Учебник для вузов. – Москва: Флинта; Наука. – 384 с.
- Арутюнова 1999²: **Арутюнова, Н. Д.** Язык и мир человека. – Москва: Языки русской культуры. – 896 с.
- Балли 2003: **Балли, Ш.** Язык и жизнь. – Москва: Едиториал УРСС. – 232 с. – Оригинал: *Bally, Charles. Le langage et la vie.* – Zurich: Max Niehans, Editeur. – 1952.
- Бенвенист 2002²: **Бенвенист, Э.** Общая лингвистика. – Москва: Едиториал УРСС. – 448 с. – Оригинал: *Benveniste, Émile. Problèmes de linguistique générale.* – Paris, 1966.
- Блумфилд 2002²: **Блумфилд, Л.** Язык. – Москва: Едиториал УРСС. – 608 с. – Оригинал: *Bloomfield, Leonard. Language.* – New York: Henry Holt and Co., 1933.

- Богданов 1990: **Богданов, В. В.** Речевое общение. Прагматические и семантические аспекты. – Ленинград: Ленинградский ун-т. – 88 с.
- Булыгина 1981: **Булыгина, Т. В.** О границах и содержании прагматики. – In: Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – № 4. – С. 333–342.
- Васильев 1997: **Васильев, Л. М.** Коннотативный компонент языкового значения. – In: Русское слово в языке, тексте и культурной среде. Памяти Э. В. Кузнецовой. – Екатеринбург: Арго. – С. 35–40.
- Васильев 2004: **Васильев, Л. М.** Категория оценки. – In: Категории в исследовании, описании и преподавании языка. – Самара: Изд-во «Самарский университет». – С. 245–249.
- Вольф 1985: **Вольф, Е. М.** Функциональная семантика оценки. – Москва: Наука. – 228 с.
- Гак 1996: **Гак, В. Г.** Синтаксис эмоций и оценок. – In: Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, модальность. – Москва: ИЯ РАН. – С. 20–31.
- Жельвис 2001²: **Жельвис, В. И.** Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. – Москва: Ладомир. – 349 с.
- Заботкина 1999: **Заботкина, В. И.** Когнитивно-прагматический подход к неологии. – In: Когнитивно-прагматические аспекты лингвистических исследований. – Калининград: Калининградский ун-т. – С. 3–9.
- Загоровская, Фомина 1984: **Загоровская О. В., Фомина, З. Е.** Экспрессивные и эмоционально-оценочные компоненты значения слова (к изучению оснований семантических процессов). – In: Семантические процессы в системе языка. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та. – С. 31–40.
- Иссерс 1999: **Иссерс, О. В.** Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – Омск: Омский гос. ун-т. – 285 с.
- Кобозева 1986: **Кобозева, И. М.** «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности. – In: Новое в зарубежной лингвистике. – Москва: Прогресс. – Вып. XVII. – С. 5–31.
- Кобозева 2000: **Кобозева, И. М.** Лингвистическая семантика. – Москва: Едиториал УРСС. – 352 с.
- Лайонз 2003: **Лайонз, Дж.** Лингвистическая семантика: Введение. – Москва: Языки славянской культуры. – 400 с. – Оригинал: *Lyons, John. Linguistic Semantics: An Introduction.* – Cambridge University Press, 1995.
- Лукьянова 1991: **Лукьянова, Н. А.** Экспрессивность в системе, словаре и речи. – In: Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – Москва: Наука. – С. 157–178.
- Маслова 1991: **Маслова, В. А.** Параметры экспрессивности текста. – In: Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – Москва: Наука. – С. 179–204.
- Моррис 2001: **Моррис, Ч. У.** Основания теории знаков. – In: Семиотика: Антология. – Москва: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга. – С. 45–97. – Оригинал: *Morris, Charles W. Foundation of the Theory of Signs.* – In: *International Encyclopedia of Unified Sciences.* – Chicago, 1938. – Vol. 1, part 2.
- Остин 1986: **Остин, Дж.** Слово как действие. – In: Новое в зарубежной лингвистике. – Москва: Прогресс. – Вып. XVII. – С. 22–129. – Оригинал: *Austin, John L. How to do Things with Words.* – Oxford: Clarendon Press, 1962.
- Падучева 1996: **Падучева, Е. В.** Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). – Москва: Школа «Языки русской культуры». – 464 с.
- Пиотровская 1994: **Пиотровская, Л. А.** Эмотивное высказывание как объект лингвистического исследования (на материале русского и чешского языков). – Санкт-Петербург: СПбГУ. – 145 с.

- Почепцов 1987: **Почепцов, О. Г.** Коммуникативные аспекты семантики. – Киев: Вища школа. – 130 с.
- Сандомирская 1991: **Сандомирская, И. И.** Эмотивный компонент в значении глагола (на материале глаголов, обозначающих поведение). – In: Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. – Москва: Наука. – С. 114–136.
- Сергеева 2003: **Сергеева, Л. А.** Проблемы оценочной семантики. – Москва: МГОУ. – 140 с.
- Сёрл 1986: **Сёрл, Дж. Р.** Классификация иллокутивных актов. – In: Новое в зарубежной лингвистике. – Москва: Прогресс. – Вып. xvii. – С. 170–194.
- Скворецкая 1984: **Скворецкая, Е. В.** Экспрессивные потенции отыменных глаголов в русском языке. – In: Экспрессивность на разных уровнях языка. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та. – С. 81–90.
- Столнейкер 1985: **Столнейкер, Р. С.** Прагматика. – In: Новое в зарубежной лингвистике. – Москва: Прогресс. – Вып. xvi. – С. 419–438. – Оригинал: *Stalnaker, Robert C. Pragmatics.* – In: *The Semantics of Natural Language / Ed. by Davidson D., Harman G.H.* – Dordrecht, 1972.
- Стросон 2004: **Стросон, П. Ф.** Намерение и конвенция в речевых актах – In: Философия языка. – Москва: Едиториал у р с с. – С. 35–55. – Оригинал: *Strawson, P.F. Intention and Convention in Speech Acts.* – In: *The Philosophical Review.* – Vol. lxxiii, 1964, № 4. – Pp. 439–460.
- Тарасов 1979: **Тарасов, Е. Ф.** К построению теории речевой коммуникации. – In: Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Шахнарович А. М. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. – Москва: Наука. – С. 5–147.
- Телия 1986: **Телия, В. Н.** Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – Москва: Наука. – 142 с.
- Телия 1991: **Телия, В. Н.** Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц. – In: Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. – Москва: Наука. – С. 36–66.
- Телия 1996: **Телия, В. Н.** Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – Москва: Школа «Языки русской культуры». – 288 с.
- Труфанова 2000: **Труфанова, И. В.** Прагматика несобственно-прямой речи. – Москва: Прометей. – 569 с.
- Харченко 2010²: **Харченко, В. К.** Современная повседневная речь. – Москва: URSS. – 184 с.
- Человеческий фактор в языке 1991: Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – Москва: Наука. – 214 с.
- Шаховский 1983: **Шаховский, В. И.** Эмотивный компонент значения и методы его описания: Учебное пособие к спецкурсу. – Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. пед. ин-та. – 96 с.
- Шаховский 1987: **Шаховский, В. И.** Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж: Воронежский ун-т. – 192 с.
- Шаховский, Жура 2002: **Шаховский В. И., Жура, В. В.** Дейксис в сфере эмоциональной речевой деятельности. – In: Вопросы языкознания. – № 5. – С. 38–56.
- Шейгал 1984: **Шейгал, Е. И.** О соотношении категорий интенсивности и экспрессивности. – In: Экспрессивность на разных уровнях языка. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та. – С. 60–65.
- Щербина 2008²: **Щербина, Ю. В.** Вербальная агрессия. – Москва: Издательство лки. – 360 с.
- Ягубова 1996: **Ягубова, М. А.** Оценка в языковой картине мира. – In: Вопросы стилистики. – Саратов: Гос. учебно-научный центр «Колледж». – Вып. 26. – С. 30–40.

ЛАРИСА А. КАЛМУЛЛИНА

Языковая деятельность 1983: Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики.

– Москва: ИНИОН АН СССР. – 222 с.

Verschueren 1995: **Verschueren, J.** The Pragmatic Perspective. – In: A Handful of Pragmatics. –

Amsterdam / Philadelphia: Benjamins. – Pp. 1–10.

Wierzbicka 1987: **Wierzbicka, A.** English Speech Acts Verbs: A Semantic Dictionary. – Sydney etc.:

Acad. press. – VIII, 397 p.